

12 9 ЯНВ 1987

СОВЕТСКИЙ КИНОТЕАТР
г. Москва

ДОЛГИЕ ВСТРЕЧИ

О ФИЛЬМАХ КИРЫ МУРАТОВОЙ

ДО ЧЕГО же все-таки определенно и конкретно выражается время в отдельных человеческих судьбах! Вот мы говорим сегодня: застойные явления семидесятых годов. И у меня на памяти — трудный путь к зрителю спектакля Михаила Шатрова и Олега Ефремова «Большевики», впоследствии заслуженно и широко признанного. Или судьба фильма Николая Мащенко «Комиссары», вышедшего в конце концов, но в ограниченном показе. Произведения высокого революционного искусства, явившиеся на переломе шестидесятых — семидесятых годов.

Фильмы «Короткие встречи» и «Долгие проводы» Киры Муратовой — это примерно тогда же. Нет, в этих лентах не было размышлений о судьбах революции, о классовых битвах первых послеоктябрьских лет. Кира Муратова тихо и доверительно рассказывала о буднях своих современников, современниц. «Короткие встречи» прошли на экранах мимолично. «Долгие проводы» вообще не были «обнародованы», однако газетные заметки, где говорилось об «искажении», «принижении», «очернении», были, помнятся.

«Комиссары» и «Короткие встречи» — что же тут общего? Риску предположить, что общее — в осознанном или неосознанном противостоянии парадности непробиваемому внутреннему благодушию, решительной внутренней установке, согласно которой все у нас было и есть замечательно, а вскорости будет еще лучше. Так зачем вспоминать, как в годы нпа усомнился в политике партии, пережил глубокую личную драму кристально чистый человек комиссар Громов? И зачем говорить о том, что нашу замечательную современницу из «Долгих проводов» может вдруг охватить чувство безысходного одиночества?

Героиня «Коротких встреч» Валентина Ивановна, которую играет сама Кира Муратова, работает в горсовете, занимается будничной прозой — водоснабжением, жильем и все время ждет своего любимого мужа, который большую часть времени проводит в геологических экспедициях. И вот в доме, в жизни ее появляется молодая деревенская девушка Надя, и оказывается, что она тоже любит мужа Валентины Ивановны, и он Надю вниманием не обогнал, но об этом знаем мы, зрители, а Валентина Ивановна об этом не знает. Скромную переводчицу Евгению Васильевну из «Долгих проводов» муж оставил уже достаточно давно, у нее вырос сын Саша, замкнутый, мрачный подросток, и однажды Евгения Васильевна узнала, что он хочет уехать к отцу, оставить ее совсем одну.

Сюжеты повседневности. Мера достоверности экранного действия и сегодня кажется поразительной. Среда обитания героев воссоздана безупречно, скромный быт выражает, поясняет характеры, взаимодействует с ними. Умело выбранные актеры погружены в эту среду, они осмысленно, хорошо работают, но они не сами по себе, твердой режиссерской рукой все компоненты картины приведены в единую гармоническую систему. О главных исполнителях я еще скажу потом несколько слов, но не менее показательны эпизоды, роли всего на несколько реплик. Ленивый и суматошный сторож курортного инвентаря в «Долгих проводах», мгновенно возникший и тут же исчезающий. Тревожно и странно улыбчивый старик, у которого дети погибли на фронте; девушка Зина, которая, увлекшись книжками из библиотеки Валентины Ивановны, позабыла свою уличную компанию. Это — «Короткие встречи». Лица из толпы, актеры, которых я больше никогда не встречал, — почему же они так резко, так отчетливо помнятся? Мне довелось все-таки увидеть обе ленты еще тогда, когда они были сделаны, — и вот сегодня я смотрю на этих, едва промелькнувших людей уже как на старых и добрых знакомых. Ответ, мне думается, здесь один, и секрет один. Он — в любви создателей фильмов к этим случайно встреченным людям и в продиктованной любовью правдивости их изображения. Правдивости, далеко не всегда ласкающей глаз.

В «Коротких встречах» есть такой эпизод. Строители пытаются сдать неготовый дом, с демагогической ловкостью используя настроения будущих обитателей этого дома, — они, обитатели, так стосковались по нормальному жилью, что им только бы въехать, а там можно доделывать и доделывать. И одна Валентина Ивановна, при всей своей приветливости, мягкости, непреклонна: она не подпишет акта приемки, пока все недостатки не будут устранены. Наступали годы пышного расцвета приписок, которые не только поощрялись, но и оправдывались некими даже соображениями высшего свойства. А Муратова не хотела приписывать.

Герои ее не только органичнее и образнее вписывались в неброскую, неподкрашенную повседневность. От них словно бы исходили токи обеспокоенности, им явно не хватало довольства собой, как раз и входившего тогда в общественную практику, они были неудовлетворены, они пытались — чаще интуитивно, на ощупь — утвердиться в неких высших ценностях, опереться на них и одновременно прикрыть их собою, сберечь. Прозрение, провидение художника? Не хочу говорить громких слов, да и не идут они скромным лентам Киры Муратовой.

Но вот — правда, любовь. Доброта и порядочность... В фильмах «Короткие встречи» и «Долгие проводы» и сегодня живет, бьется тревога за судьбу именно этих ценностей, которые ничем не заменить и ничем не восполнить. Живет предощущение того, что повседневная верность им будет подвергнута жестокому испытанию сперва вкрадчивой, а потом все более нагнетающей вседозволенностью.

Глядя сегодня фильмы Киры Муратовой, ново осознавая уровень их достоверности, понимаешь и то, сколь тесно связаны они с «новой волной» в нашей драматургии, с лучшими пьесами Казанцева, Галина, Арро, Петрушевской. Здесь то же тихое противостояние парадности, отделенно, отрыву высоких слов от их реального содержания, небескорыстным попыткам выдать желаемое за действительное. Но не забудем: фильмы Муратовой были раньше, и этой временной дистанцией определено одно существенное различие между «новой волной» и этими фильмами.

Я сейчас хочу обратиться к финалам — сначала «Коротких встреч», а затем «Долгих проводов».

... Вот-вот должна состояться встреча тронх, а Наде не меньше хочется счастья, чем Валентине Ивановне. Девушка начинает медленно накрывать на стол, и мы видим, что накрывает она на двоих. Движения Нины Руслановой (это была ее первая роль в кинематографе) становятся все более уверенными, точными, а на миллом, простом лице вдруг отпечатывается жесткая, отторгающая сомнения решительность — так и прежде бывало в поворотные, определяющие минуты. Накрыв, бросив быстрый взгляд на приготовленное семейное торжество, она без колебаний направляется к выходу, потом, задержавшись на мгновение, берет один апельсин со стола и исчезает за дверью. Мы понимаем, что навсегда.

... Идет привычный учрежденческий «вечер отдыха». «Белеет парус одинокий...» — старательно выводит на сцене самодеятельная певица. А у Евгении Васильевны не выдерживают нервы, она устраивает нелепый скандал из-за занятого кем-то места. Ей удивляются, на нее шикают, а она продолжает стоять, заслоняя сцену, и только повторяет обреченно, упрямо: мы здесь занимали... всем отделом... И тут ее берет за руку сын и уводит, уводит из зала, почти бегом, прочь с посторонних глаз. Эпизод можно смотреть бесцельное количество раз — с такой мучительной самоотдачей играет Зинаида Шарко и разрывающую душу драму, и наружную нелепость ее выражения. И уже там, за пределами зала, женщина разрыдается, а сын тихо скажет: я не уеду, мама, я не уеду...

Попробуйте представить себе нечто подобное в «новой драматургии» — не получится. И молодые герои будут вести себя вовсе не так, как Саша, сын Евгении Васильевны, — вспомните хотя бы «Чучело» Ролана Быкова. Кире Муратовой еще присущ был романтизм 60-х годов, она делала свои фильмы с истовой верой, что, как бы там ни было, как бы ни оборачивалось, а добро, сострадание, порядочность всеисильны, необоримы. Вспомните Арро или Быкова в том, что им не хватало романтизма, свойственного Кире Муратовой, — значит становиться в позицию тех ее давних обличителей, оппонентов. Ведь время прошло, пролетело время, развеяв романтические иллюзии. Да и, конечно же, авторы «Чучела» или пьесы «Смотрите, кто пришел!» в добро и сострадание верят. Но они уже знают, какие нелегкие годы выпали вскоре на долю доброты, сострадания, порядочности. И Кира Муратова, прошедшая через равнодушие, непризнание, это тоже узнала. И думается, нелегко думается: а будь эти годы иными — ведь финалы фильмов, спектаклей могли бы оставаться прежними, муратовскими, и вовсе без приукрашивания, без натяжек. Но прожитого не вычеркнешь из памяти, ни в коем случае нельзя вычеркнуть. И люди, подобные тем, что «боролась» с «Короткими встречами», с «Долгими проводами», — а функционировали они, понятно, не только в кинематографической сфере, — много сделали для того, чтобы вера в счастливые финалы была поколеблена.

Но завершить хотелось бы на иной ноте. Сегодня у Киры Муратовой праздник. Праздник у Леонида Жуховицкого, вместе с Муратовой написавшего сценарий «Коротких встреч», у Натальи Рязанцевой, автора сценария «Долгих проводов», — сделанное этими литераторами также будет сегодня оценено по достоинству. Праздник у Нины Руслановой, у Зинаиды Шарко, сыгравшей в «Долгих проводах» одну из лучших своих ролей. И Владимир Высоцкий на экране — всенародно любимый и наконец признанный. Не знаю, как сложилась дальнейшая судьба исполнителя роли Саши — Олега Владимирского, но думаю, что хорошие минуты переживает сегодня и он.

И еще немного относительно времени. Фильмы «Короткие встречи», «Долгие проводы» несли в себе это время и потому перемогли невзгоды, остались честным и художественным его свидетельством. Драматически долгим было ожидание встречи, но сегодня кажется, что ее не могло не быть.

К. ЩЕРБАКОВ.